Денис Войтов

Это может случиться с каждым

18+

Денис Войтов

Это может случиться с каждым

«Автор»
2026

Войтов Д.

Это может случиться с каждым / Д. Войтов — «Автор», 2026

Оксана переезжает в Москву, чтобы строить спокойную жизнь: лекции, код, тишина. Но один вечер рушит всё. Подруга зовёт в клуб — и город, казавшийся местом возможностей, оборачивается ловушкой. Расследование, которое должно вернуть справедливость, лишь множит боль: система требует силы, которой у Оксаны почти не осталось. И всё же она находит в себе силы не сломаться — и открывает пункт помощи тем, кто тоже остался один на один с бедой. Но прошлое не отпускает: оно прячется в паузах между словами, в каждом осторожном шаге. Это история не про «победу над травмой», а про то, как продолжать идти, когда внутри всё болит. Для тех, кто ценит честную, пронзительную прозу без иллюзий.#

© Войтов Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Новый город, чужие стены 5
Глава 2 15
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Денис Войтов
Это может случиться с каждым

Глава 1

Новый город, чужие стены

Фотография стоит на подоконнике криво. Оксана выравнивает её, потом ещё раз, но рамка всё равно клонится влево — подоконник не идеальный, чуть вздутый с одного края, краска на нём облупилась и свернулась.

Она оставляет всё как есть.

На снимке трое. Или двое. Плохая плёнка, плохой свет, лица размыты так, что их почти не разглядеть, только очертания, тени, намёк на улыбки. Оксана и сама не всегда уверена, кто там стоит справа. Она помнит только, что это было лето и что пахло жареным мясом откуда-то со стороны соседнего двора. Больше ничего конкретного.

Снимок — единственная вещь, которую она поставила сразу, не раздумывая. Всё остальное пока лежит в сумке.

Комната небольшая. Оксана обходит её за семь шагов — она считала, пока шла от двери к окну. Обои когда-то были белыми, потом стали серыми, потом кто-то попытался их обновить, но только до половины стены, так что снизу серые, сверху желтоватые, с разводами. В углу, где батарея, обои вздулись пузырём и надорваны. Кто-то уже пытался его разгладить: рядом видны следы клея, засохшего и потемневшего.

Кровать скрипит. Оксана узнала об этом в первые же полминуты, когда поставила сумку на краешек матраса. Звук такой, что, наверное, слышно в соседней комнате. Она убрала сумку на пол.

Пахнет здесь чужим мылом — хвойным, дешёвым. Наверное, прежний жилец пользовался им до конца, до последнего дня. Оксана открывает форточку. Снаружи тянет выхлопным газом и чем-то жареным — кафе напротив, судя по вывеске. Форточку она прикрывает, но не до конца.

Чемодан стоит посреди комнаты. Оксана смотрит на него несколько секунд, потом расстёгивает молнию и начинает с книг.

Их семь штук. Она берёт самую потрёпанную — «Убийство Роджера Экройда», переплёт держится на двух нитках скотча, корешок читается с трудом — и ставит на полку над столом. Потом ещё одну. Потом ещё. Книги встают ровно, одна к другой, плечом к плечу. Это единственное, что сразу встаёт на место, без усилий, без подгонки. Оксана некоторое время смотрит на полку.

Всё остальное пойдёт куда-нибудь. Одежда в шкаф, зарядки в ящик стола, мелочи по полочкам. Разберётся. Не сейчас.

Она садится на кровать. Кровать отзывается протяжным скрипом, будто жалуется кому-то невидимому. Оксана сидит не двигаясь.

За стеной кто-то ходит. Тяжёлые шаги, медленные, туда-сюда. Потом стихают. Потом снова, уже в другом направлении. Потом телевизор, приглушённо, не разобрать слов, только интонации: диктор говорит что-то монотонное и уверенное.

В коридоре хлопает дверь. Оксана вздрагивает чуть-чуть, почти незаметно. Голоса — два, мужской и женский, — проходят мимо и гаснут где-то в глубине дома.

Она смотрит на фотографию. Отсюда, с кровати, снимок кажется ещё меньше. Рамка всё-таки стоит криво.

Никто здесь её не ждал. Это не в смысле обиды или упрёка, просто факт. Она приехала в этот город три дня назад, подписала договор аренды, получила ключ от хозяйки — плотной женщины в домашних тапках, которая говорила быстро и смотрела поверх Оксаниной головы, — и вот она здесь. В комнате с кривыми обоями и скрипучей кроватью, где пахнет чужим мылом и за стеной ходит кто-то незнакомый.

В университете начнётся через пять дней. Пять дней — это много. Оксана не очень понимает, что с ними делать.

Она ложится на спину, не разбирая постели. Потолок в мелких трещинках, одна из них тянется от угла к центру и там разветвляется, как русло высохшей реки. Оксана смотрит на неё без мыслей. Где-то внизу, на улице, проезжает машина. Хлопает дверь подъезда. Диктор за стеной монотонно заканчивает фразу.

Она думает: надо бы купить нормальное мыло. Хвойное выкинуть и купить что-нибудь своё.

Это, наверное, первое. Потом разберётся с остальным.

* * *

Оксана приходит за двадцать минут до начала.

Коридор пустой, только уборщица с ведром в дальнем конце шаркает тряпкой по линолеуму. Запах хлорки и чего-то сладкого, казённого — где-то, видно, разогрели выпечку в буфете. Оксана читает таблички на дверях, находит нужную аудиторию, заходит.

Длинный стол буквой «П», пластиковые стулья, доска с размытым меловым пятном. Окна выходят во двор, за ними серый забор и кусок неба. Оксана выбирает место у стены, с краю, откуда виден выход. Ставит рюкзак под стул, достаёт тетрадь и ручку, кладёт на стол. Всё.

Ждёт.

Постепенно заходят другие. Поодиночке, по двое. Их голоса сразу заполняют комнату — негромко сначала, потом всё громче. Кто-то уже знает кого-то: хлопок по плечу, узнающий смех. Два парня у окна достают телефоны и показывают друг другу что-то, один хохочет коротко, второй кивает. Девушка в розовой толстовке садится посередине, оглядывается по сторонам, тут же ловит чей-то взгляд и начинает говорить — быстро, естественно, будто продолжает разговор, прерванный просто на лето.

Оксана смотрит на тетрадь. Пишет сверху дату — первое сентября двадцать первого.

У неё нет здесь никого. Это не жалоба, просто так устроено. Она приехала в конце августа, в новый город.

Мальчик в синей клетчатой рубашке подходит, садится рядом — места по другую сторону от неё уже заняты.

— Слушай, — говорит он, — ты случайно не знаешь, Ливенский ведёт эту пару или кто-то другой?

Оксана смотрит на него. Он смотрит в ответ, не неприятно, просто ждёт.

— Не знаю, — говорит она. — Я не в курсе.

— Понял. — Он кивает и тянется к соседу слева.

Оксана снова смотрит в тетрадь. Рядом уже трое разговаривают — синяя рубашка, сосед, и ещё кто-то, подошедший сзади. Про Ливенского, про расписание, про то, где снимают жильё. Голоса мешаются в общий гул. Чья-то сумка задевает её стул, она чуть сдвигается, никто не замечает.

Это не обидно. Она просто здесь. Сидит и ждёт начала.

Входит преподаватель — немолодая женщина в тёмном пиджаке, с папкой под мышкой. Точно не Ливенский. Начинается пара. Оксана пишет, когда надо писать, смотрит в доску, когда что-то объясняют. Слушает. Голос у преподавателя ровный, почти без интонаций, не

раздражает и не цепляет. Оксана записывает термины, ставит стрелки, обводит то, что кажется важным.

К концу пары ладонь немного устаёт. Это хорошо — значит, что-то было, не только пустое сидение.

Когда объявляют перерыв, остальные поднимаются разом, будто по сигналу, который Оксана не слышала. Шум, сдвинутые стулья, снова голоса.

— Ты куришь: спрашивает девушка из-за стола напротив, обращаясь не к Оксане, а к соседке.

— Нет, но пойду за компанию.

Смех. Топот. Дверь.

Оксана остаётся сидеть, перечитывает записи. Исправляет одну букву. Потом встаёт, убирает тетрадь в рюкзак, надевает его и выходит.

В коридоре шумно. Она идёт вдоль стены, чуть в стороне от потока, туда, где лестница.

— Эй. — Чья-то рука легонько трогает её за плечо. — Ты с нашего курса, да? Как тебя?

Девушка с короткими тёмными волосами, незнакомая, смотрит с любопытством, не злым, просто обычным.

— Оксана, — говорит она.

— Я Катя. — Улыбка. — Ты откуда? Местная?

— Нет. Из другого города.

— Одна приехала?

— Да.

— Ну ничего, — говорит Катя, — я тоже сначала ничего не знала. Потом привыкаешь.

Оксана улыбается — вежливо, аккуратно — и кивает. Достаточно. Она поворачивается к тетради, делает вид, что ищет что-то в рюкзаке, и когда поднимает голову, Катя уже разговаривает с кем-то другим, включившись в другой разговор легко и быстро, как будто переключила канал.

Оксана спускается по лестнице, выходит на улицу.

Снаружи тепло — настоящее ещё лето, хотя уже сентябрь. Листья на деревьях вдоль дороги жёлтые только снизу, сверху всё ещё зелёные. Она идёт пешком — здесь минут двадцать, и она уже знает этот маршрут.

Считает шаги. Не специально, само выходит. Один, два, три, дальше перестаёт, потому что сбивается на мысль о термине из пары, возвращается к шагам, снова сбивается. Так и идёт, туда-сюда между шагами и словами из тетради. Это успокаивает. Ни о чём особенном не думать, просто идти, просто считать.

На перекрёстке красный свет. Она останавливается, ждёт. Рядом коляска с ребёнком, женщина в шляпке смотрит в телефон. По другую сторону старик с пакетами стоит прямо, терпеливо.

Зелёный. Все трогаются.

Оксана идёт дальше. Двор, потом ещё двор, потом её улица. Подъезд, ключ, три пролёта. Запах лестницы — пыль и немного кошачьего.

Она открывает дверь в комнату, заходит, ставит рюкзак на пол.

Тихо.

Книги стоят на полке, ровно, как она поставила вчера. Фотография чуть кривая. Всё на месте.

Оксана снимает кроссовки, садится на кровать. Кровать скрипит, она к этому почти привыкла. Смотрит на стол, на тетрадь в рюкзаке, на окно с неплотно прикрытой форточкой.

День первый. Кажется, прошёл.

* * *

Гречку Оксана варит дольше, чем нужно. Не потому что забывает, просто стоит у плиты и смотрит, как вода закипает, и ни о чём не думает. Это хорошо. Когда ни о чём не думаешь, время идёт само.

Общая кухня — узкая, с облупленным подоконником и занавеской в мелкий цветочек. Оксана приходит сюда рано, когда другие ещё не поднялись, или поздно, когда уже разошлись. Сейчас поздно. За стеной слышно телевизор: чей-то смех, потом музыка, потом снова смех.

Она помешивает кашу. Пар поднимается, щекочет лицо, пахнет чем-то простым и домашним, как будто на мгновение вернулась в мамину кухню.

Из коридора голоса — двое, мужской и женский, смеются над чем-то своим, проходят мимо. Оксана не поворачивается. Смотрит в кастрюлю.

Когда всё готово, она накладывает в тарелку, берёт ложку и идёт к себе.

Стол у окна — это она решила в первый день, когда расставляла вещи. Лучше смотреть куда-то, чем в стену. Она ставит тарелку, достаёт книгу — детектив, уже наполовину прочитанный — и открывает на заложенной странице.

Читает и ест. Это хорошо работает. Пока читаешь, не замечаешь ни вкуса, ни тишины. Детектив — про следователя в маленьком городе, который раскрывает старое убийство. Простой язык, понятные мотивы, и всегда понятно в конце, кто виноват. Оксана любит, когда в конце понятно.

Гречка остывает быстро. Она ест уже не замечая вкуса, переворачивает страницу, потом ещё.

За окном двор.

Она поднимает голову.

Во дворе скамейка, несколько деревьев, песочница со сломанным бортом. Сейчас там дети: двое мальчишек гоняют мяч, третий стоит в стороне и наблюдает. Рядом на лавке сидят две женщины, разговаривают, не глядя друг на друга, просто так, привычно. Ещё дальше старуха с клетчатым пакетом движется вдоль забора медленно и целенаправленно, будто у неё очень точный маршрут.

Оксана смотрит.

Мяч улетает за кусты. Один мальчишка лезет за ним, второй кричит что-то вслед. Старуха огибает угол и исчезает. Женщины на скамейке всё говорят, слов не разобрать, только движение рта, кивки, взмах рукой.

Жизнь идёт без неё. Это не обидно, скорее просто факт. Где-то там, в этом дворе, в этом городе, есть свои разговоры, свои маршруты, свои споры про мяч. И всё это было до неё и будет после.

Мальчишка вылезает из кустов с мячом. Игра продолжается.

Оксана откладывает книгу — потеряла страницу, но не ищет. Сидит и думает, просто так, как думается само.

В этом городе у неё нет никого.

Она проговаривает это про себя. Не впервые, но каждый раз звучит чуть иначе. Иногда это слышится как жалоба. Иногда как справка. Сейчас почти как нейтральное наблюдение, вроде «за окном вечер» или «гречка уже холодная».

Никого. Ни одного человека, которому можно позвонить просто так. Которому можно сказать: слушай, сегодня первый день учёбы, и я пересчитывала шаги по дороге домой и не сбилась.

Это можно было бы сказать маме. Но мама далеко и позвонит сама в воскресенье, как всегда, ровно в одиннадцать, спросит про еду и про учёбу, и Оксана скажет «нормально», и мама скажет «хорошо», и они обе помолчат немного и попрощаются.

Оксана смотрит на полку с книгами. Поставлены ровно, корешками наружу. Семь штук, столько влезло в сумку, которую она взяла с собой. Она провела по ним пальцем, когда расставляла, — привычка, не ритуал, просто так.

За стеной смех снова. Телевизор или живые люди, не разберёшь.

Она думает: хорошо это или плохо, что нет никого? И не может ответить. Не потому что ответа нет, а потому что ответ зависит от момента. Сейчас не хорошо и не плохо. Сейчас просто тихо, и гречка холодная, и за окном уже почти темно.

Мальчишки ушли. Двор пустой. Одна лавка, одна песочница, деревья.

Оксана встаёт, забирает тарелку и ложку. Идёт на кухню, моет, вытирает, ставит на место. Возвращается, садится на кровать. Кровать скрипит.

Берёт книгу, листает назад, находит страницу, читает абзац, понимает, что не помнит, что было перед ним. Листает ещё немного. Откладывает.

Тихо.

Хорошо, что тихо. Или не хорошо. Она ещё не решила.

* * *

Место у окна она выбрала не случайно. Здесь один стул придвинут к стене, к другому нужно было бы переставлять поднос, а сам угол немного в стороне от основного потока: люди идут, смотрят в другую сторону, садятся туда, где просторнее. Если сидеть тихо и не смотреть на вход, можно не существовать сорок минут.

Оксана поставила поднос, сняла куртку, повесила на спинку. Достала книгу из сумки, положила рядом с тарелкой, пока не открывала, просто чтобы была под рукой. Суп был невнятным, с разваренной морковкой, но горячим — пар от него согревал лицо, пока она наклонялась над тарелкой. Она зачерпнула ложку и стала смотреть в окно.

Двор за стеклом был серый и прямой — асфальт, припаркованные велосипеды, дерево с уже пожелтевшими краями листьев. Начало сентября.

— Тут занято?

Оксана не успела ответить.

Девушка уже ставила поднос на стол — громко, с лязгом, тарелки сдвинулись — и садилась напротив. Поднос был полным: суп, котлета с гарниром, стакан компота, ещё что-то завёрнутое в салфетку.

— Это кошмар, — сказала она, не уточняя, что именно. — В очереди стояла минут двадцать, а потом выяснилось, что гречка кончилась. Я два раза прошла вдоль раздачи, пока не решила взять это. — Она кивнула на котлету. — Ты с Логинова?

Оксана смотрела на неё.

— С какого курса, — пояснила девушка. — Я его видела в коридоре, он опять опоздал. В прошлый раз сказал, что у него был зубной врач. Представляешь — зубной врач в девять утра в понедельник. Нет? Я тоже нет.

— Я не с его курса, — сказала Оксана.

— А, ясно. — Девушка начала есть, не делая паузы. — Я Рита. Второй курс, факультет экономики, общага на Строителей.

— Оксана.

— Хорошее имя.

— Взаимно.

Рита кивнула, как будто это был исчерпывающий ответ, и продолжала есть. Оксана посмотрела на свой суп. Морковь осела на дно. Она зачерпнула ещё и подождала, не очень понятно, чего именно. Наверное, что девушка доест и уйдёт к своим.

— Компот тут ничего, кстати, — сказала Рита. — Из сухофруктов, не из пакетика. Ты берёшь иногда?

— Нет.

— Зря. Он кисловатый, но это честный компот. — Она отпила. — Ты давно здесь учишься?

— Первый курс.

— О, первый. — Рита отложила вилку на секунду, осмотрела её с некоторым интересом, как осматривают что-то, что неожиданно оказалось интереснее, чем казалось. — Тяжело первое время?

— Нормально.

— Ну и хорошо. — Вилка вернулась в дело. — Первый месяц всегда странный. Я сама не понимала, куда деваться, люди везде, шум, комендант орёт из-за каждой ерунды. Привыкаешь.

Оксана не ответила. Она посмотрела в окно — велосипеды те же, дерево то же. Потом посмотрела на книгу рядом с тарелкой. Корешок был потрёпан, на нём почти не читалось название.

Рита посмотрела туда же.

— Что читаешь?

— Детектив.

— Какой?

Оксана чуть помедлила.

— Агата Кристи. «Убийство в Восточном экспрессе».

Рита перестала жевать.

— Подождите, — сказала она, и голос у неё стал другим, чуть медленнее, будто она что-то вспоминала. — Это который — в поезде, снежный занос, и в конце оказывается....

Она не закончила предложение, и Оксана подняла взгляд.

— Ты читала?

— В школе. Нам задали, я хотела просто пролистать, а потом сидела до двух ночи. — Рита хмыкнула. — Там в конце Пуаро такой, знаешь — он всё объясняет, и сидишь, и думаешь: ну вот же, всё было перед глазами, как я не заметила.

— Да, — сказала Оксана. — Именно.

Это слово вышло само, без паузы, и она слегка удивилась, не тому, что сказала, а тому, как. Без задержки. Без ощущения, что надо сначала проверить, правильно ли отвечать.

— Пфф, — сказала Рита, — а я всё думала: зачем люди читают детективы, если жизнь и так непонятная. А потом дочитала и поняла, что там-то хоть объясняют в конце.

Оксана не сразу нашла, что сказать. Потом всё-таки сказала:

— Именно поэтому и читаю.

Рита посмотрела на неё с каким-то новым выражением, не оценивающим, скорее просто заинтересованным, будто Оксана сказала что-то, чего та не ожидала.

— Логично, — произнесла она наконец. И снова взялась за котлету.

Оксана опустила взгляд в тарелку. Суп был уже почти холодным, но она доедала. За соседним столом кто-то смеялся, двигали стулья, разговаривали про что-то своё. Обычный обед.

Рита допила компот и поставила стакан.

— Ты вообще давно Кристи читаешь?

— С тринадцати лет.

— Много прочитала?

— Почти всё.

— Серьёзно? — Рита, кажется, не притворялась удивлённой. — И какая лучшая?

Оксана подумала.

— «И никого не стало». Наверное.

— Почему?

— Там нет хорошего выхода. Ни у кого. Это честнее.

Рита помолчала секунду, не потому что не знала, что ответить, а как будто обдумывала.

— Мрачновато, — сказала она. — Но понятно. — Она встала, подняла поднос. — Ты ещё здесь будешь?

— Не знаю. Наверное.

— Я завтра тоже сюда. Здесь нормально, только нужно приходить до часа, пока не набилось. — Рита подхватила куртку с соседнего стула. — Пока, Оксана.

— Пока.

Рита ушла, уверенно, не оглядываясь, с подносом в обеих руках. Оксана проводила её взглядом, потом посмотрела на свою книгу, потом в окно.

Дерево за стеклом. Велосипеды.

Она не успела выстроить дистанцию. Разговор просто начался и шёл, и кончился, и ничего страшного не произошло. Оксана сидела и не была уверена, что именно она об этом думает.

Взяла книгу, открыла на заложенной странице.

Читать не стала.

* * *

Комната была та же, что и три недели назад, и всё равно каждый раз немного чужая.

Оксана закрыла за собой дверь, не включая свет, сбросила кроссовки к порогу, легла поверх покрывала прямо в джинсах. Смотрела в потолок. Снаружи кто-то гнал велосипед по асфальту — далеко, потом стихло.

Она думала о Рите.

Не о том, что та сказала — слова были простые, без подтекста. О том, как она смеялась. Громко, запрокинув голову, не оглядываясь на соседние столы. Как будто ей совершенно не было важно, смотрят на неё или нет. Оксана не умела так. Она всегда чувствовала, краем, боковым зрением, что рядом люди, что они слышат, что это имеет какое-то значение. А Рита смеялась в голос, и это было естественно, как выдох.

Странно смотреть на то, что тебе недоступно. Не с завистью, просто: бывает так, оказывается.

Оксана повернула голову к окну. Небо за стеклом ещё светлое, конец августа, но уже с той усталой желтизной, которая появляется ближе к вечеру. Пара листьев на ветке шевелилась, хотя ветра слышно не было.

Она достала телефон, не вставая, просто вытянула руку. Открыла контакты.

«Рита» — третий снизу, ниже только «Риэлтор» и «Университет, деканат».

Оксана смотрела на это имя дольше, чем нужно. Палец завис без конкретной мысли. Написать, а что? Незачем. Просто посмотреть — тоже незачем. Она убрала телефон, положила его экраном вниз на живот.

Не удалила.

Это что-то значило или ничего не значило, она не была уверена.

Потолок был неровный, с давней трещиной вдоль левого угла. Оксана знала её форму наизусть, смотрела каждую ночь первые две недели, пока не привыкла засыпать. Трещина шла ровно, потом резко сворачивала, потом обрывалась. Никуда не приводила.

Привязываться — это всегда одно и то же. Сначала кажется, что теперь по-другому, что вот этот человек не исчезнет, не переедет, не охладеет, не окажется кем-то другим, чем выглядел. А потом что-нибудь происходит, или не происходит ничего, просто человек уходит, и ты стоишь и смотришь в эту пустоту и думаешь: ну вот, снова.

Оксана знала этот страх хорошо. Не как мысль, а как ощущение в груди — плотное, спокойное, старое. Он жил с ней давно, дольше, чем она здесь. Дольше, чем этот город, эта комната, этот университет. Ещё из того времени, когда она понимала, что бывает по-другому, но не знала, как.

Рита не спрашивала разрешения. Просто садилась, просто говорила, просто смотрела своим прямым, ненастырным взглядом. И этот разговор — про котлету, про Кристи, про то, что в детективах хоть объясняют, — он просто шёл. Без усилий с обеих сторон.

Именно это и было странно. Обычно это стоит сил.

Оксана не знала, чего она хочет от этого знакомства. Наверное, ничего не хочет, само пришло. Но что-то в ней, тихо и осторожно, думало: а вдруг.

Она не любила, когда что-то в ней думало «а вдруг».

Встала, не сразу — сначала просто переложила телефон на подоконник, потом поднялась. Налила воды из пластиковой бутылки на столе, выпила стоя. Посмотрела на полку.

Там стояло несколько книг, взятые на лето, ещё не все прочитанные. «Убийство в «Восточном экспрессе»», «Тайна семи циферблатов», «Десять негритят». Последнюю она перечитывала уже в третий раз.

Оксана взяла её с полки, вернулась на кровать. Открыла на заложенной странице, примерно на середине, там где уже понятно, что хорошего конца не будет, но ещё не понятно какого именно. Лучшее место.

Свет она не выключила.

Читала, или почти читала — взгляд шёл по строчкам, иногда задерживался, иногда нет. Слова знакомые. История знакомая. Именно это и нужно — когда знаешь, что там дальше, можно просто плыть по тексту, не напрягаясь, как по тихой воде.

В коридоре кто-то прошёл мимо двери. Голоса, потом тише, потом ничего.

Она подумала: Рита сказала, что завтра снова придёт в эту столовую. До часа, пока не набилось.

Оксана не решила, идти или нет. Пока не решила.

Страница кончилась, она перевернула. Читала дальше, но медленнее. Буквы начали немного плыть, не потому что плохое зрение, просто так бывает перед сном. Она знала этот момент, когда текст ещё есть, а ты уже немного нет.

Рука с книгой опустилась сама.

Оксана не стала класть её на тумбу. Так и осталась лежать поверх покрывала, с книгой на груди, с включённым светом, в джинсах.

Снаружи было тихо.

Она заснула раньше, чем успела подумать что-нибудь ещё.

* * *

На следующий учебный день Рита появилась за пять минут до начала пары, влетела в аудиторию, плюхнулась на стул рядом с Оксаной и выложила на стол ноутбук, бутылку воды и какую-то шоколадку, как будто собиралась зимовать. Вчера они познакомились в столовой, и теперь Рита вела себя так, будто место рядом с Оксаной уже её.

Оксана даже не успела удивиться.

— Привет, — сказала Рита, разворачивая шоколадку. — Ты всегда так рано?

— Обычно.

— Понятно. — Рита откусила кусок, кивнула на кафедру. — А это, значит, Сергей Борисович. Мне говорили — спать хочется на первой же минуте.

Сергей Борисович как раз подключал ноутбук к проектору, методично, без спешки. Оксана промолчала.

Пара началась. Преподаватель заговорил ровным голосом о структурах данных, на экране появились схемы. Оксана открыла конспект, поставила курсор и начала печатать.

Минут через двадцать Рита наклонилась к ней и прошептала:

— Смотри, он каждый раз, когда говорит «массив», делает вот так. — Она чуть приподняла бровь и сложила губы куриной гузкой.

Оксана посмотрела на экран. Потом на Риту. Потом снова на экран — как раз вовремя, чтобы увидеть, как Сергей Борисович произносит «одномерный массив» с совершенно тем же выражением лица.

Она не засмеялась. Но уголок рта дёрнулся вверх сам, без спроса, и она быстро отвернулась к конспекту, потому что нельзя же смеяться на паре.

Рита негромко хмыкнула и тоже уставилась в свой ноутбук.

Оксана дописала строчку, которую начала до этого, и поняла, что уже не помнит, о чём была та строчка.

После пары Рита собрала всё так же быстро, как разложила.

— Пошли за кофе?

— Может, в другой раз, — сказала Оксана. — Мне ещё надо—

Рита уже тянула её за рукав в сторону выхода.

— Там кофе нормальный, я проверила. И булочки с корицей, если успеем.

Оксана на секунду подумала — про комнату, про то, что хотела разобрать конспект пока свежо, про «в другой раз» — и пошла.

Кофейня была маленькая, с тремя столиками, и они нашли один у окна. Рита взяла капучино и булочку. Оксана — просто американо, без ничего.

— Ты в программирование сама пошла или как получилось? — спросила Рита.

— Сама. Нравится, что задачи решаемые. — Оксана помолчала. — Непонятно сначала, потом находишь, где ошибка, и всё встаёт. Это… приятно.

— А я думала, там надо в уме держать всё одновременно. Я бы сломалась.

— Не надо всё сразу. По кусочкам.

Рита кивнула и откусила от булочки. Смотрела в окно: там по улице шли люди, кто-то с собакой, кто-то с пакетами.

Оксана подержала чашку в руках, согревала пальцы о тёплый фарфор, и почему-то сказала:

Как в детективах. Там тоже так— не знаешь, не знаешь, а потом всё сходится.

— Агата Кристи?

— Она тоже. Ещё другие.

— Я пробовала, — сказала Рита. — Мне скучно ждать, пока объяснят. Хочу сразу знать.

— Это неинтересно — знать сразу.

— Ну, это ты так думаешь. — Рита не спорила, просто констатировала. — Я вот люблю, когда громко и сразу понятно что происходит. Клуб, например. Там не надо ничего ждать.

Оксана сделала глоток кофе. Горький, хороший, с лёгкой кислинкой на языке.

— Я не люблю шум.

— Вообще?

— Вообще. Там… много всего одновременно. Люди, музыка, не слышно, что тебе говорят. — Она остановилась, потому что говорила уже больше, чем обычно говорит с людьми, которых знает меньше недели.

Рита не заполнила паузу. Просто ждала, без нетерпения, жевала булочку.

Это было странно. Обычно, когда Оксана замолкала, люди либо заговаривали о чём-то другом, либо смотрели с вежливым ожиданием, которое хуже вопроса.

Рита просто сидела.

— Мне комфортнее одной, — сказала Оксана наконец. — Или в маленькой компании. Где понятно, что происходит.

— Ясно, — сказала Рита. — Ты интроверт.

— Наверное.

— Я экстраверт, если не заметила.

— Заметила.

Рита засмеялась, коротко, без обиды.

— Ладно. Буду иметь в виду.

Оксана посмотрела на неё. Рита допивала кофе, смотрела в окно, не пыталась заполнить тишину чем-то ненужным. Просто была рядом, и это не давило.

У автобусной остановки они разошлись: Рите в другую сторону.

— Завтра на лекцию идёшь? — спросила Рита.

— Иду.

— Хорошо. — Она уже шла. — Пока.

— Пока.

Оксана стояла на остановке и смотрела, как Рита идёт через дорогу, быстро, уверенно, с рюкзаком на одном плече. Потом автобус подошёл, и она вошла.

Ехала домой, смотрела в окно. Город был обычный — блочные дома, деревья ещё зелёные, август заканчивался.

Она думала: сегодня она сказала что не любит шум. Что ей комфортнее в маленькой компании. Что в детективах она ценит момент, когда всё сходится. Это немного, но для неё это было почти много.

И Рита не сделала из этого ничего особенного. Не принялась объяснять, что надо больше общаться, что она сама была такой и потом стало лучше. Просто кивнула и сказала «ясно».

Оксана прислонилась плечом к холодному стеклу.

Кажется, у неё появилась подруга. Она пришла сама, без предупреждения, заняла место рядом, как будто так и было. И Оксана, которая обычно точно знала, когда ей не нужен рядом никто, не попросила её уйти.

Это что-то значило. Она пока не знала что именно.

Автобус тормознул на следующей остановке. Двери открылись, впустили тёплый воздух с улицы.

Оксана подумала: может, иногда так и бывает. Не спрашивают, просто садятся рядом. И почему-то это нормально.

Глава 2

Иди, тебе понравиться

Комната плавится. Вентилятор на тумбочке крутит голову туда-сюда, гонит воздух, но воздух всё равно горячий, будто его нагрели заранее и просто пустили по кругу. За окном только-только начало темнеть, и небо над крышей соседнего дома стоит плотное, лиловое, без единого облака. Оксана сидит на кровати, подтянув колени, и чувствует, как футболка липнет к спине.

На столе разложена книга — «Убийство в Восточном экспрессе», обложка, потёртая до белёсых залысин на корешке, страницы пожелтели и слегка волнистые от того, что однажды книга пролежала под дождём. Оксана купила её ещё дома, у вокзала, и с тех пор перечитала три раза. Рядом с книгой — ноутбук, экран тёмный, но не выключенный: на нём с утра висит недописанный скрипт, двадцать с чем-то строк, которые должны были сделать расписание занятий и складывать его в таблицу, но застряли на одной упрямой ошибке. Оксана уже час как решила, что сегодня скрипт её больше не интересует.

Она берёт книгу, устраивается поудобнее, прислонившись спиной к стене — штукатурка холоднее, чем воздух в комнате, это единственное прохладное место здесь. Открывает на заложенной странице. Пуаро уже понял про снег, про отпечаток, про то, что все пассажиры врут одновременно, и это та часть романа, которую Оксана любит больше остальных: момент, когда всё, что казалось случайным, вдруг оказывается подогнанным друг к другу, как детали в механизме. Она читает две страницы, потом замечает, что не вникла ни в одно слово, потому что думала о чём-то своём, и начинает заново.

На тумбочке лежит телефон, экран погашен. Она тянется, берёт его, проводит пальцем. Ни одного уведомления. Ни от матери, ни от преподавателя, у которого просила перенести консультацию, ни от кого вообще. Пустой экран смотрит на неё спокойно, и это спокойствие ей нравится больше, чем если бы там что-то было. Она кладёт телефон обратно, экраном вниз.

Дома, думает она, сейчас, наверное, тоже жарко. Мать, наверное, сидит на кухне с открытым окном, крутит вентилятор точно так же бесполезно, и, может быть, думает про неё, Оксану, а может, и нет — мать не из тех, кто звонит первой. У них так заведено: если надо что-то сказать, скажут, а если нет, то молчание — тоже разговор, просто без слов. Оксана привыкла. Привыкла настолько, что иногда забывает: где-то есть человек, у которого она — дочь, а не просто девушка, снимающая комнату в чужом городе.

Пятница. Просто ещё один день без расписания, без пар, без необходимости куда-то идти и что-то кому-то объяснять. Завтра тоже можно будет пролежать весь день, если захочется, и никто не спросит почему. Это, думает Оксана, и есть самое ценное, что у неё сейчас есть — право ничего не делать и не оправдываться за это.

Она переворачивает страницу. Снаружи, за окном, кто-то проходит мимо, слышны голоса, смех, звон бутылок — соседи, наверное, собрались во дворе с пивом, как каждый вечер. Звук доносится приглушённо, через стекло, и не мешает, а даже делает комнату уютнее: жизнь идёт где-то там, а она здесь, в своём углу, и это ровно то расстояние, которое ей нужно.

Телефон вибрирует на тумбочке, коротко, настойчиво. Экран загорается, высвечивает имя.

«Рита».

Оксана смотрит на буквы секунду, прежде чем взять трубку. В животе что-то слегка сжимается — не страх, но что-то похожее, лёгкая настороженность, как будто кто-то без стука открывает дверь в комнату, где она привыкла быть одна. И тут же, следом, — что-то другое, тоже лёгкое, но тёплое: уголки губ сами чуть приподнимаются. За неделю с небольшим она

уже выучила этот звонок, эту манеру Риты звонить вместо того, чтобы писать, потому что «в сообщениях непонятно, с какой интонацией читать».

Оксана откладывает книгу, палец замирает над зелёной кнопкой. Комната за секунду до этого казалась совершенно полной — книгой, скриптом, тишиной, вентилятором. Теперь в ней чего-то не хватает, будто дверь приоткрылась и впустила сквозняк.

Она отвечает.

* * *

— Так, подруга, — голос Риты врывается без предисловий, бодрый, как будто она уже бежит куда-то. — Сегодня идём в клуб. Не спрашиваю, хочешь ли.

Оксана садится на кровать, прижимает телефон плечом к уху.

— Куда идём?

— В «Восточный». Там сегодня какая-то движуха, Ленка писала, диджей нормальный приедет. Короче, я заезжаю в восемь, собирайся.

— Рита, я не пойду.

— Почему это?

— Не люблю клубы. Шумно там, людей много, — Оксана смотрит на книгу, лежащую корешком вверх на подушке. — Я устала немного. И завтра рано вставать, у меня семинар в девять.

— Семинар в девять, — повторяет Рита с таким выражением, будто Оксана сказала что-то невероятно смешное. — Оксан, сегодня пятница. Завтра суббота. У тебя нет семинара в субботу, ты врёшь, и даже не умеешь врать.

Оксана молчит секунду, потому что врёт действительно неумело, и это всегда её подводит.

— Ну ладно, не семинар. Просто хочу почитать.

— Почитать, — Рита фыркает в трубку, и слышно, как где-то на заднем плане хлопает дверь, кто-то смеётся. — Ты издеваешься? Опять свою Агату Кристи? Оксан, тебе девятнадцать лет, а ты сидишь по пятницам с книжкой, как бабка на завалинке. Я прям вижу тебя: сидишь в своём худи, свет не включаешь, экономишь, наверное, и читаешь про то, как кого-то отравили в особняке.

— Не экономлю, — говорит Оксана, хотя свет и правда сейчас выключен, только настольная лампа горит. — Мне так удобнее.

— Удобнее ей. — Рита явно улыбается, Оксана слышит это по голосу. — Слушай, я тебя умоляю. Один вечер. Ты наденешь что-нибудь нормальное вместо своих джинсов, мы выпьем по коктейлю, потанцуем немного и уйдём, если тебе совсем плохо станет. Я тебя не брошу там одну, обещаю.

— Я и не говорю, что ты меня бросишь. Просто не хочу.

— Ты никогда не хочешь, — в голосе Риты проскальзывает что-то, уже не насмешливое, а чуть более настойчивое. — Я тебя знаю всего две недели, а уже вижу: ты как будто решила заранее, что всё вокруг тебе не понравится. Отказываешься даже не попробовав.

Оксана встаёт с кровати, подходит к окну. За стеклом ещё светло, хотя и поздний вечер — сентябрьское солнце садится неохотно, тянет время. Во дворе всё так же звенят бутылки, кто-то включил музыку из колонки, негромко.

— Я не затворница, — говорит она, хотя слово это так и просится само, и она понимает, что защищается слишком быстро.

— Нет? А кто у нас две недели сидит в комнате и выходит только в универ и в магазин? — Рита смеётся уже открыто, без злости, но и без скидок. — Признайся, зануда, ты затворница. Самая настоящая. Тебе бы ещё кота завести и свечку на окно ставить.

— Спасибо, утешила.

— Да ладно тебе, я любя. — Пауза, короткая, и когда Рита продолжает, голос у неё другой, мягче, без обычного напора. — Оксан, ты вообще в курсе, как это выглядит со стороны? Девчонка приехала одна, в чужой город, знакомых ноль, и сидит целыми днями в четырёх стенах с книжкой. Я к тебе зашла на той неделе — ты как будто обрадовалась, что хоть кто-то пришёл, а потом весь вечер извинялась, что заняла моё время.

Оксана молчит. Это правда, и от того, что это правда, становится неловко.

— Так и состаришься в этой своей комнате, — говорит Рита уже тише, без шутки в голосе. — Будешь сидеть одна, книжки читать, разговаривать сама с собой, и однажды проснёшься — а тебе уже сорок, и ты так и не вышла никуда, кроме как в магазин за хлебом. Оно тебе надо?

Оксана хочет сказать что-то в ответ, привычное, отработанное за годы — что ей и так хорошо, что одиночество не страшно, что лучше тишина, чем чужие люди вокруг. Слова эти обычно выскакивают сами, без усилия, как заученная фраза. Но сейчас они почему-то застревают где-то в горле, не находят выхода.

Потому что в словах Риты есть что-то, от чего неприятно сжимается в груди. Не обида — скорее узнавание, как будто кто-то вслух произнёс то, что она сама себе боялась сформулировать. Она действительно сидит здесь вечер за вечером. Действительно радовалась тогда, на прошлой неделе, когда Рита без предупреждения заявилась с пачкой чипсов и спросила, можно ли зайти — и эта радость была такой несоразмерно большой для простого визита соседки по учёбе, что потом, ночью, Оксана долго не могла заснуть, думая об этом.

— Алло, ты там заснула? — спрашивает Рита.

— Нет, — Оксана проводит пальцем по подоконнику, по тонкому слою пыли, который сама не вытирала уже неделю. — Я тут.

— И?

Оксана смотрит на книгу на кровати, на раскрытую страницу, которую она так и не дочитала. Смотрит на телефон с погасшим экраном, лежавший весь вечер лицом вниз, молчавший так спокойно, что это спокойствие казалось ей правильным. Впервые за долгое время — это спокойствие не кажется правильным совсем.

— Я подумаю, — говорит она.

— Думай быстро, у тебя час до того, как я за тобой заеду, — Рита смеётся, уже снова легко, будто и не было того другого, серьёзного тона секунду назад. — И надень что-нибудь симпатичное, я тебя умоляю, хоть раз не эти твои джинсы.

Она кладёт трубку, не дожидаясь ответа — так, будто вопрос уже решён.

* * *

Телефон пиликает и гаснет. Оксана кладёт его на тумбочку экраном вниз, по привычке, хотя сейчас эта привычка кажется ей немного смешной: как будто можно спрятать от себя то, что уже сказано.

Она садится на кровать, не на край, а по-настоящему, с ногами, и откидывается на подушку, свалившуюся к стене. Потолок у неё белый, с одной трещиной в углу, похожей на реку на карте, если смотреть достаточно долго. За три недели Оксана успела изучить эту трещину во всех подробностях — куда она сворачивает, где раздваивается, где почти доходит до светильника и обрывается. Сейчас она смотрит на неё и не видит.

Час. Рита дала ей час, как будто это вообще можно решить за такое время, как будто такие вещи решаются по таймеру, а не живут в человеке годами, присохшие намертво.

Она вспоминает — не выбирая, это выходит само, — как ей было лет восемь и она пришла домой с дня рождения одноклассницы, где собралось шумное семейство: бабушка, два дяди, двоюродные сёстры, кто-то всё время кого-то обнимал, кто-то кричал через всю квартиру «иди сюда» просто так, без повода, и за столом не хватало стульев. Дома у неё в тот вечер было тихо, мать на смене, и Оксана легла спать, думая не о том, что ей грустно, а о том, что она

хочет когда-нибудь вот так — чтобы было много народу, которому она нужна просто потому, что она есть. Чтобы кто-то кричал «иди сюда» и ей.

Мечта глупая, детская, она давно не произносила её даже про себя. Но сейчас, глядя в трещину на потолке, Оксана ловит себя на том, что мечта никуда не делась. Просто притаилась где-то в районе груди и выныривает, когда не просят.

Она переворачивается на бок. Книга лежит раскрытая на тумбочке, Агата Кристи, страница заложена закладкой, которую Оксана так и не выбросила после переезда. Хочется потянуться за книгой, вернуться туда, где всё решается по правилам, где каждый подозреваемый на своём месте, и к концу главы всегда становится понятнее, а не страшнее. Но рука не тянется.

Рита — единственная, думает она, и мысль эта выходит такой ровной и простой, что даже не удивляет. За три недели в этом городе ей никто больше не звонил просто так, без дела. Никто не спрашивал «можно зайти» и не приходил с пачкой чипсов, не спрашивая разрешения дважды. Преподаватели запоминают её по фамилии в журнале, сосед по лестничной клетке здоровается через раз, кассирша в соседнем магазине уже привыкла к её лицу, но это не то же самое, это не в счёт. Рита — единственная строчка в телефонной книге, которая написана не для галочки.

И если она сейчас откажется, Рита позвонит ещё раз, может быть, через неделю, а может, и не позвонит. Может, решит, что зануда с книжками — это навсегда, и перестанет звать, и правильно сделает, потому что кому охота стучаться в закрытую дверь без конца.

Оксана садится обратно, упирается спиной в стену. Четыре стены этой комнаты она знает теперь лучше, чем своё лицо в зеркале: жёлтое пятно на обоях у окна, оставшееся, видимо, от прежних жильцов, скрип половицы у двери, тихий гул холодильника на кухне, доносящийся даже через стену. Здесь безопасно. Здесь никто не разглядывает, не задаёт вопросов, не ждёт, что она будет шутить в ответ на шутку или улыбаться, когда не хочется. Здесь можно просто быть, и это всегда казалось ей достаточным. Почти всегда.

А клуб — это шум, которого она не выносит, духота, чужие локти, музыка такая громкая, что через неё не слышно собственных мыслей, и именно поэтому, кажется, людям она и нравится. Там нужно кричать, чтобы тебя услышали, нужно улыбаться незнакомцам, нужно как-то держать лицо, когда к тебе подходят и говорят что-то, чего ты не разобрала, и ты киваешь, потому что перекрикивать неловко. Оксана представляет себе всё это настолько отчётливо, что по коже пробегает неприятный холодок, несмотря на жару в комнате.

Но потом она вспоминает голос Риты минуту назад — не насмешливый, а тот, другой, тише, без игры: «так и состаришься в этой своей комнате». И что-то в груди снова сжимается, уже знакомо.

Она берёт телефон. Экран загорается, высвечивая последний звонок — «Рита, 14:32». Палец зависает над полем для сообщения дольше, чем нужно. Можно написать «нет, извини, не сегодня», и этому никто не удивится, и всё вернётся на свои места: книга, ноутбук, вентилятор, гоняющий горячий воздух туда-сюда. Привычно. Тихо. Безопасно.

Оксана смотрит на трещину на потолке в последний раз, будто спрашивает у неё разрешения, хотя сама понимает, насколько глупо это звучит даже внутри собственной головы.

Пальцы набирают текст быстрее, чем она успевает до конца решить.

«Ладно. Но ненадолго».

Она отправляет, прежде чем передумать, и кладёт телефон рядом с собой на кровать, экраном вверх — на этот раз без привычки прятать.

* * *

Телефон лежит на кровати экраном вверх, и это чувство уже немного пугает: обычно она сразу прячет его в карман или под подушку, будто сам вид уведомлений может что-то

разрушить. Оксана встаёт, одёргивает футболку и подходит к шкафу — дверца открывается с тихим скрипом, который она слышит каждый день, но замечает только сейчас.

С краю висят джинсы, две пары, одна светлее другой, и три худи — серый, чёрный, тёмно-синий, почти неотличимый от чёрного в тусклом свете комнаты. Это весь её гардероб, если не считать пары футболок в комоде. Форма, в которой она ходит на пары, в магазин, в библиотеку, форма, в которой её можно не заметить в толпе и в которой она сама привыкла не замечать себя. Оксана сдвигает плечики в сторону, джинсы шуршат друг о друга, и за ними, в самой глубине шкафа, куда она не заглядывала, кажется, с самого переезда, висит что-то другое.

Синее платье.

Она вытаскивает его за плечики, и ткань соскальзывает с перекладины легко, будто давно ждала, когда её наконец достанут. Подарок матери ещё летом — мать тогда сказала что-то вроде «тебе не идёт вечно в этих мешках ходить, ты же девушка», и Оксана тогда просто кивнула, чтобы не спорить, свернула платье и убрала в сумку, а потом в этот самый шкаф, с глаз долой. Надевала один раз, на какой-то праздник ещё дома, простояла в нём весь вечер у стены, чувствуя себя так, будто на ней не платье, а чужая кожа.

Она держит его перед собой на вытянутых руках, разглядывая ткань — тёмно-синюю, с лёгким отливом, когда свет падает под углом. Простой крой, без лишних деталей, но в этой простоте есть что-то, чего нет в её худи: платье сшито так, что его нельзя носить, спрятавшись.

Оксана подходит к зеркалу — небольшому, в полный рост, прикрученному к задней стороне шкафа, второй предмет мебели в этой комнате, доставшийся вместе с кроватью и столом от прежних хозяев, — и прикладывает платье к себе поверх футболки и джинсов. Смотрит.

В зеркале отражается девушка, которая ей не совсем знакома: волосы собраны в небрежный хвост, лицо без косметики, но ткань у плеч уже как будто меняет осанку, заставляет стоять чуть прямее. Оксана поворачивается боком, потом снова прямо, и ловит себя на мысли, что сердце колотится немного быстрее, хотя она просто стоит перед зеркалом в своей же комнате.

Надеть или нет. Вопрос звучит глупо, если произнести его вслух, — это просто платье, кусок ткани, но ей кажется, что дело не в платье вовсе. Дело в том, что надеть его — значит признать: сегодня вечер не такой, как остальные. Признать, что она куда-то идёт не потому, что должна, а потому, что согласилась, и что часть её, пусть маленькая, хочет, чтобы вечер получился.

Она откладывает платье на кровать, стягивает футболку через голову, расстёгивает джинсы. В комнате жарко, вентилятор так и гоняет воздух туда-сюда, не особо спасая, и кожа покрывается мурашками не от холода, а от самого акта — раздеваться посреди комнаты, готовясь к чему-то, а не просто чтобы лечь спать.

Платье скользит по плечам легко, застёгивается сзади на молнию, которую приходится заводить руками за спину, выгибаясь неудобно — она никогда не умела делать это изящно. Молния идёт туго, потом поддаётся, и ткань ложится по фигуре так, что Оксана вдруг осознаёт собственное тело иначе, чем привыкла: не как что-то, что нужно прятать под балахоном, а как что-то, что просто есть.

Она снова встаёт перед зеркалом.

Девушка в отражении — не совсем она. Волосы всё так же собраны кое-как, на лице ни следа макияжа, но линия плеч, то, как платье облегает талию и спускается чуть ниже колен, меняет что-то в самой фигуре, в осанке, в том, как она стоит. Оксана поворачивается то одним боком, то другим, поправляет ткань на бедре, и не может до конца понять, нравится ей увиденное или пугает.

— Как тебе? — тихо спрашивает она у отражения, почти не разжимая губ, и сама слышит, как глупо это звучит в пустой комнате.

Отражение, разумеется, не отвечает, но что-то в собственном взгляде — не вопросительном, а почти удивлённом — говорит само за себя. Она не ожидала, что платье так изменит её, не ожидала, что захочет оставить его на себе, а не сорвать обратно и натянуть привычное худи.

Она стоит так ещё с минуту, рассматривая себя под разными углами, чувствуя, как непривычно открыта шея без капюшона, как голые до колена ноги кажутся беззащитными после джинсов. Странное ощущение — будто сняла не одежду, а какую-то защитную плёнку, которой обычно отгораживалась от всех чужих взглядов.

Страшно и почему-то приятно одновременно.

Оксана отворачивается от зеркала, подходит к кровати, где всё ещё лежит телефон экраном вверх, без единого нового сообщения, и впервые за долгое время не чувствует, что это одиночество — это просто тишина перед чем-то, что вот-вот начнётся.

* * *

Стук в дверь раздаётся раньше, чем Оксана успевает решить, нравится ей платье или нет.

— Открывай, это я!

Рита влетает в комнату без паузы между стуком и собственным появлением — так, будто дверь всё равно распахнулась бы сама. На ней короткая юбка и топ, от неё пахнет духами, сладкими и резкими одновременно, и этот запах мгновенно заполняет маленькую комнату, забивая привычный дух нагретой пластиковой столешницы и книжной пыли.

— Ты рано, — говорит Оксана, всё ещё стоя посреди комнаты в платье, будто её застали за чем-то неловким.

— В смысле рано? Я… — Рита замолкает на полуслове, глаза у неё расширяются, рот приоткрывается. — Ты издеваешься?

— Что?

— Ты в платье! — Рита прикладывает ладонь к груди, как будто хочет убедиться, что сердце на месте. — Нет, ты реально в платье. Я думала, ты в своём балахоне поедешь, честно.

— Оно… неудобное было бы, наверное, — Оксана поправляет ткань на бедре, хотя поправлять там нечего.

— Шикарно, — выдыхает Рита, и в этом слове нет ни капли подколки, только искреннее, почти детское удивление. Она обходит Оксану кругом, разглядывая, как разглядывают витрину. — Серьёзно, обалдеть просто.

Ты вообще в курсе, что у тебя фигура есть? А то ходишь всё время, как будто её прячешь.

Оксана не знает, что на это ответить, поэтому просто отводит взгляд к зеркалу, туда же, куда только что смотрела сама.

— Так, всё, времени мало, — Рита уже роется в своей маленькой сумке, извлекает оттуда тушь и маленькое круглое зеркальце. — Садись сюда, к окну, свет лучше.

Они устраиваются на краю кровати, зеркальце Рита держит сама, сначала себе под глаза, потом Оксане, щёлкая тюбиком туши, как профессионал, которым, впрочем, никогда не была, просто насмотрелась роликов в телефоне.

— Не моргай, — командует она, наклонившись совсем близко, и Оксана чувствует тёплое дыхание подруги на щеке, пахнущее жвачкой.

— Больно.

— Терпи, красота требует жертв. Вот это, кстати, сегодня классная музыка будет, диджей приезжий, говорят, из областного центра, — Рита продолжает говорить, не отрываясь от дела, щёточка снова скользит по ресницам. — Ленка была в том клубе в прошлые выходные, сказала, там прям что-то. Народу будет море, духота, конечно, но ради такого можно потерпеть.

— Угу, — отзывается Оксана, стараясь не моргать, хотя глаза слезятся от близости кисточки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.